

Б. Ф. Карпов

Последнее танго

Гламурная повесть, посвященная 150-летию

со дня рождения средней школы

№ 1 города Осташкова

г. Осташков, 2008 г.

*«Кто не поклоняется могильным камням, тот не имеет своей Родины»
А. С. Пушкин*

После последнего городского пожара 1811 года в городе Осташкове начался строительный бум кирпичных домов. Дома росли как грибы: один краше другого. В 1857 году на пепелище южной крепостной башни торговых ворот по проекту архитектора Демидова подрядчиком Суравковым на деньги миллионера Савина было построено учебное заведение во двух этажах. Здание было уникально тем, что отаплилось четырьмя амосовскими печами, расположенными в подвалах. Эта система была универсальной, так как работала в сухих условиях и на протяжении столетий не требовала ремонта. Такой системой пользуется и сейчас Эрмитаж.

Первым красным директором этого заведения был Олисов. Этот человек был несчастным. У него было двое детей: мальчик Женя и девочка. Женя родился идиотом, что принесло семье большое горе.

В 30-ые годы заканчивалось закрытие церквей. Всю церковную утварь и имущество из барских усадеб свозили в город. И в торговых рядах на аукционе под удары молотка продавалось. Более ценные вещи отправлялись в дом-музей Нечкиных. Дом Нечкиных не мог принять столько вещей, и встал вопрос о выделении под музей подходящего здания. Решение уисполкома под создание городского музея была отдана церковь Знаменского монастыря Воскресения Христова. Директором музея был назначен Олисов, а школу принял молодой сельский учитель Бабурин Иван Дмитриевич.

За короткое время Олисов создал прекрасный музей, в состав которого входили четыре отдела: отдел атеизма, в котором размещались огромные картины в золоченых рамах на религиозную тематику, церковная утварь и тисовая позолоченная рака с мощами Нила Преподобного.

Второй отдел был исторический, где рассказывалось о наших предках.

Самый большой и богатый отдел, который занимал всю соборную часть церкви, представлял из себя западно-европейскую живопись; французских, английских и голландских художников. В этот отдел входили и прикладное искусство из мебели, отобранной в барских усадьбах князей Шаховских, Толстых, Вараксиных. Из имений «Бортники», «Княжое», «Бухвостово», «Новые Ельцы», «Радохово» и «Покровское». Были там напольные зеркала, венские стулья, ломберные столы, кресла, диваны с зеленой суконной обивкой и сафьяном. Рельефные резные детали изделий были позолочены.

И четвертый отдел — отдел Революции

Но тут наступила война. Музей эвакуировали в Куйбышев. Эвакуация прошла неудачно, многие ценности исчезли. Виновником всего оказался Олисов. Его арестовали, судили,

получил штрафбат, там он и погиб.

Вот такие истории оставляют в нашей жизни неизгладимый след.

Вот и сегодня 27 сентября 2007 года — день рождения нашей школы. 150 лет прошло со дня ее постройки. Мы с женой приготовились и пошли на встречу к юбиляру. Погода была отменная. Такой сухой осени я не помню. По дороге к нам присоединился мой двоюродный брат Мартьянов Эдуард Константинович. За разговором мы не заметили, как подошли к юбиляру. Нас встретили молодые учителя. При этой встрече у меня невольно возникли слова, сказанные когда-то Пушкиным при встрече с молодым сосняком при въезде в усадьбу Берново:

— Здравствуй, племя молодое, незнакомое...

Они нас провели через центральный портал в вестибюль школы.

Вот и наша знаменитая чугунная лестница. Прошло 150 лет, а ты такая же, тебя не старят года. Сколько людей по тебе прошло и все они стремились пройти вверх, к вершинам неизвестности, чтобы потом свои знания отдать на благо народа.

Сколько за 83 года моей жизни я прошел по тебе. И ты всегда меня молча встречала. Не зря тебя по праздникам мыли с керосином. Вот и актовый зал. Все здесь торжественно и уютно. Атмосфера наполнена особым ароматом. Слышны приглушенные голоса.

Ты когда-то был чертовски богат. На твоём потолке висела огромная бронзовая, покрытая золотом, с серебряными деталями и хрустальными подвесками, люстра. А на стенах твоих и в проемах между окнами сверкали позолотой бронзовые бра. Но в 1982 году по указанию первого секретаря горкома партии Сидорского вся эта красота и ценность была срезана автогенном и отдана в утиль, как культовая утварь. Вместо нее был поставлен дешевый ширпотреб и твое 125-летие было обеднено. Но самую главную ценность — народ от тебя не отняли.

Вот и сегодня к тебе пришел народ и снимает перед тобой шапку. И благодарит тебя за все хорошее, что ты ему дал.

Но вот зал замер, наступила тишина. На сцену вышла директор школы Вовк Елена Владимировна. Она поздравила всех с юбилеем, рассказала об истории школы, поблагодарила всех участников за их присутствие и пожелала всех благ.

Затем выступила от мэрии города Барбина В. И. Стали выступать спонсоры вечера: директор завода «Луч» Соколов Б. А., мэр города Никитухин И. Ю., секретарь партии «Единая Россия» Протасов, директор хлебокомбината Коропалов С. А., главный фтизиатр города Москвы Ковалева Софья Ивановна и другие.

Хотелось бы сказать о Ковалевой С. И.

Это врач с медицинским стажем 46 лет. Училась в нашей школе с 1945 года. Ее любимыми учителями были Нолле Елена Юрьевна, преподаватель русского языка и литературы, и Клюканов Николай Васильевич, преподаватель химии. Все предметы она любила одинаково, по химии знала на твердую «5».

Софья Ивановна закончила школу с серебряной медалью и в медицинский институт поступила без особого труда.

Как только она с сыном узнали о праздновании юбилея школы, то по обоюдному согласию решили выкупить тираж из 150 книг об истории школы и подарить его юбиляру. Что было и сделано.

Наша школа может гордиться такими учениками. Ведь это плоды ее труда. Плод немаленький. Софья Ивановна профессор, доктор медицинский наук. Ровно 60 лет назад Николай Васильевич Клюканов рассказал мне байку. У него училась девочка, которая так хорошо знала химию, что помогала ему в проведении практических занятий и консультировала своих сверстников. Будучи в 9 классе, она была уже знакома с материалами «Органической химии», которая тогда только что вводилась и была приложением к учебнику в виде брошюры. Эврика! Я глубоко убежден, что эта девочка была Софья Ивановна Ковалева.

На самом деле так и случилось. Когда я по телефону позвонил об этом ей, она дрожащим

голосом сказала:

— Борис Федорович! Это я.

Желающих выступить было очень много. Всем хотелось рассказать о тех или других моментах из жизни нашей школы.

Учащиеся школы выступали с номерами художественной самодеятельности: с песнями, танцами, читали стихи. Все было поставлено на высоком художественном уровне.

Я рассказал на вечере о некоторых моментах жизни школы, которые не были опубликованы в печати. А именно: 1936 год. Страна наша жила в это время прекрасно. В магазинах всего было много и не так уж и дорого. Базар ломился от продуктов сельского хозяйства. Мясо продавали прямо на улицах стягами. Рыбы вылавливалось столько, что весь город пропах рыбой. Молоко и молочные продукты продавались на базаре в любом виде: от сырого до кипяченого, в кувшинах и горланах. Яблок привозили из Сосницы баржами. В город приезжали тысячи подвод и на каждой обязательно были сетки с яблоками.

На базарной площади работала карусель с шарманкой, аттракционы, цирк, пятиминутная фотография.

В магазине первый номер висели 3-х метровые белуги, подвешенные головой к потолку и до самого пола.

Была селедка всех сортов, сухого и мокрого посола, копченая.

Рафинированный сахар продавался головами. Хлеб и кондитерские изделия выпекали всех сортов и в натуральном виде без добавок.

Один был недостаток — мало было трикотажных изделий и обуви. Это был пик лучшей жизни. До 1936 года и после него она была значительно хуже. В этот год впервые в нашей стране были назначены выборы в Верховный Совет СССР. По всем зданиям были развешены транспоранты о дне выборов — 12 декабря.

Я тогда учился во 2 классе начальной школы № 3 на Евстафьевской улице (бывшая духовная семинария).

В Осташков поездом прибыл первый кандидат в депутаты Верховного Совета СССР, нарком образования Бубнов для встречи с избирателями. Он осмотрел город, побывал во всех четырех начальных школах и не замедлил посетить нашу среднюю школу № 1. Тогда она была уже образцовой. Школы ему понравились, так как они располагались в лучших зданиях города.

После выборов сразу во всех школьных классах, кроме портретов Ленина и Сталина, были вывешены портреты Бубнова.

И в моем классе висел такой портрет. Во время занятий на уроках я все время смотрел на его лицо, какой он был хороший, умный, интересный человек.

Но вот однажды прихожу в школу, а портрета в классе нет. Мы стали интересоваться, почему сняли портрет, а через некоторое время по радио и в печати сообщили, что Бубнов является врагом народа. Его арестовали, судили, а потом расстреляли. И спустя много лет он был посмертно реабилитирован. Но в то время этот случай настолько на меня повлиял, что я запомнил его на всю жизнь. Я всегда задавал себе вопрос: «За что расстреляли этого хорошего человека? Что он плохого сделал для нашего государства?». И не находил на него ответа.

В 40-х годах тяга у молодежи к знаниям так возросла, что школьное здание стало тесным и встал вопрос об открытии филиала. Под филиал было предоставлено здание старой духовной семинарии, что была расположена на Евстафьевской улице, бывшей Миллионной. В этой школе учился и я. Школу мы любили. Она была теплая, уютная с низкими потолками на первом этаже и широкой маршевой лестницей на второй этаж, по перилам которой мы любили кататься.

Со мной за одной партой сидели две девочки — двоюродные сестры Юля Бярс и Тася Еринович. Девочки были очень красивые, веселые и общительные. Я в них был даже влюблен.

Закончив среднюю школу, они уехали в Москву, поступили в медицинский институт,

закончили его. Тася Еринович стала хирургом города Москвы, а Юля вернулась в Осташков и стала Гусевой Юлией Христиановной — врачом ЛОР и работала в нашей поликлинике до конца своей жизни. Она была изумительный человек и прекрасный врач. Ее очень любили дети.

Училась с нами и Галя Резвая. Высокая, красивая девчонка, но страшная трусиха. Класс наш был очень дружным. После занятий мы часто оставались и читали всем классом приключенческие книги «Том Сойер», «Дети капитана Гранта», «Остров сокровищ».

Юля и Тася часто нам играли в четыре руки на школьном рояле «Лунную сонату» Бетховена и «Полонез» Огинского. Учителями у нас были Плясунова Вера Александровна, русский язык. Она была очень высокая, худая, с резко выраженной длинной шеей. Мы ее звали «Щука». А Володя Верзин не выговаривал букву «щ» и, когда он ее обзывал, то все смеялись, хотя нам было и неудобно.

Арсюкова Елизавета Игнатьевна, это математик. Несостоявшаяся невеста физика нашей школы. Когда он сделал ей предложение, она ему отказала, т. к. очень не любила рыжих. Женщина строгая, волевая, требовательная. Однажды я у нее решил сорвать урок.

В перемену, когда все дети гуляли во дворе, я в классе вытащил из ручек все перышки. Когда начался урок, все закричали, что у них нет перышек.

Девочки всю вину свалили на хулиганистого Володю Верзина. Она ему сказала: — Пока не вставишь перышки, я урок не начну.

И что бы вы думали. Володька вставил перышки во все ручки.

Географ, Дмитрий Максимович, иногда приходил в класс подвыпивший. Мы это чувствовали по запаху и его поведению. В такие дни мы были готовы на все. Он ставил нам или «очень хорошо» или «очень плохо».

Любимицей класса была ботаник Волкова Вера Александровна. Мы любили с ней в хорошие дни ходить в Житное, и урок проходил на природе. Собирали листья, цветы для гербариев, бегали, играли, веселились. Любимой игрой мальчиков была «Жосточка», а девочек «Третий лишний». С таких уроков мы веселые и возбужденные возвращались домой.

Девочек своих мы любили, ценили, уважали и защищали от мальчишек. Поэтому иногда устраивали драки с мальчишками из соседних классов. На следующий день гордые ходили с синяками. После окончания 7-ого класса в филиале, всем классом автоматически переходили в основное здание.

Директором филиала была Александрова Анна Ниловна. Женщина скромная, уважительная, настоящий интеллигент. При встрече с ней можно сказать: «Это учитель!». Она была несколько лет депутатом областного Совета.

Нашу школу посещали разные знаменитости.

В 1949 году нашу школу посетил знаменитый трагикомический артист советского кино Мартинсон. Он в течение двух часов завораживал весь класс, представляя из себя театр одного актера. В своих выступлениях он был схож с артистом Игорем Ильинским.

А в 70-х годах нашу школу посетил только что начинающий тогда поэт Андрей Дементьев. Он читал свои первые стихи.

В конце 70-х годов в школу приехал уже не нарком просвещения, а министр просвещения СССР М. А. Прокофьев. Лидия Петровна Карпова — историк школы была у него доверенным лицом и выступала в клубе кожзавода. Через четыре года он опять к нам приехал, но уже не как министр просвещения, а как депутат Верховного Совета СССР.

Школа ему очень понравилась, особенно понравился кабинет химии. Он тогда был электрофицирован. Все стенды и Периодическая таблица элементов системы Менделеева были полностью электрофицированы и светились огоньками. Прокофьев тогда сделал предложение перевести все образование на кабинетную систему. Что и было сделано. Парторгом школы была Филенкова Иза Павловна, а завучем Морачевский В. Д. Затем парторгом стала Лебедева Г. В.

Наша школа из образцовой превратилась в базовую — ведущую школу района. Марку свою она не теряет и до настоящих дней. Школа пользуется всеобщей любовью жителей города и

района. Это чувствуется во всем. Даже в проведении юбилея.

Но у нашей школы все время был серьезный конкурент — это средняя школа № 2.

Руководителем этой школы была Шарникова В. И., воспитанница нашей школы. Она училась в женском классе старших пионерских вожатых. После института приняла среднюю школу № 2. Работала там много лет. Школу держала на высоком уровне. Все лучшее, что было достигнуто в нашей школе, она старалась внедрить в свою новую школу. И в некоторых моментах даже преуспевала. Поэтому не случайно на юбилейном вечере она так похвально выступала в честь юбиляра.

В 80-е годы, в лучшие годы эпохи развитого социализма, когда в магазинах было пусто, а холодильники у нас были набиты продуктами до отказа, когда каждый день из Осташкова с мясокомбината уходил вагон в Москву с колбасой разного сорта, а жители Осташкова ездили в Москву за этой же колбасой; когда нельзя было купить, но зато можно было достать; когда за валюту сажали, когда не было бедных, но не было и богатых, в общем, когда мы были впереди планеты всей. Везде была кампанейщина. Но несмотря на все неурядицы, мы жили хорошо. Иностранцы туристы удивлялись, как много у нас дешевой продукции. Закупали ее (электротовары и медикаменты, особенно) и отправляли почтой и багажом к себе на родину.

Из школы медсестер, что была при городской больнице, пришел работать Суворов Георгий Макарович — учитель по военно-патриотическому воспитанию. Он создал в нашей школе прекрасный военный кабинет по подготовке молодежи для службы в рядах армии.

Карпова Лидия Петровна была не только хорошим учителем истории, но и общественным деятелем. 25 лет она была внештатным инструктором на общественных началах в отделе агитации и пропаганды при горкоме партии.

Она была директором клуба «Спартак», затем переведена воспитателем пришкольного интерната. Получив педагогическое образование, работала старшей пионервожатой школы. Потом, по указанию 2-ого секретаря горкома партии Петрова Георгия Николаевича была назначена историком средней школы № 1.

Она была интеллигентным человеком. Единственным учителем в школе, которая к детям обращалась на Вы, о чем и сейчас ее ученики вспоминают. Свои уроки она любила проводить в краеведческом музее, директором которого был Михайлов А. В.

Сразу после окончания института в нашу школу пришли работать две веселые красивые девушки. Они сразу окунулись в работу и не заметили, как их личная жизнь прошла стороной. Они не успели познать семейного счастья и остались все теми же девочками, ведь учителю много чего было нельзя. Это были Никифорова Л. В. — учитель иностранного языка и Новикова Л. Г. — учитель географии.

Шло бурное развитие социализма. Многим руководящим работникам тогда хотелось иметь производственную славу. Любыми путями они ее строили, вплоть до производственных преступлений. Это было и у нас в Осташкове. Первый секретарь горкома партии Гудков для того, чтобы подняться по производственной лестнице вверх и перейти работать из Осташкова в город Калинин, поставил на карту все возможное для достижения цели. Мне, как классному руководителю 10б класса, был выделен туристический автобус «Икарус». Каждое утро я с классом из 20 человек учащихся садились в автобус и ехали до перекрестка двух дорог, идущих на турбазу «Сокол» и «Свапуще». Автобус оставляли на обочине дороги, а сами заготавливали веточный корм, веники из молодого березняка и чиста. На первый взгляд работа легкая, но это не так. От усилий поломки сучьев руки быстро наминались и болели. Поэтому дневная норма в 20 веников на ученика, хотя и выполнялась, но с трудом. Наполнив автобус вениками, мы возвращались домой. По дороге заезжали в деревню Радохово. Там под навесами развешивали веники для просушки, а затем ехали в Осташков. И так каждый день, в течение всей кампании по заготовке веточного корма. Рабочий день автобуса стоил 150 рублей, а мы наламывали веников на 30-40 рублей. Вот и считайте, во что обходились веники и кто нес убытки. Но для рапорта и это хорошо.

На следующий год мы узнали, куда были израсходованы наши веники. Оказывается, ими

стелили дорогу ранней весной и поздней осенью для того, чтобы работники совхоза «Ботовский» могли по бездорожью ходить на ферму. Вот так селяне оценили наш труд. Было и так. Деревня Гуша. На поле работают картофелекопалки и мои ученики. Урожай отменный. Что ни проезд, то мостовая из картофеля. Собранный детьми картофель свозился на берег залива и засыпался в бурт без сортировки, этим нарушая все правила технологии по хранению овощей.

Я бригадиру Адрианову сказал, что этот бурт сгниет. Он согласился со мной, объясняя, что ничего поделывать не может, так как картофеля по плану у них заложено в несколько раз больше, чем требуется в хозяйстве. И если этот картофель не сгниет и за зиму не скормят его скоту, то весной придется платить в несколько раз больше, чтобы оставшийся картофель скрыть под обрыв в озеро, нарушая экологию природы.

В тот год зима была ранняя, выпал снег, начались заморозки, и сотни гектар с картофелем и зерновыми культурами ушли под белое покрывало. Те совхозы, которые на эти поля выпустили скот, успели скормить урожай из-под копыта, но понесли потери, так как несколько животных подавилось. А те, кто и этого не успел сделать, вспахали эти поля и спрятали концы в землю от прокурорского надзора. Но зато видели бы вы, как в октябре месяце в Осташковском городском доме культуры в торжественной обстановке, под звуки музыки и аплодисментов происходила передача областного переходящего красного знамени в руки Гудкова за успешное проведение полевых работ и уборки урожая.

Гудков получил повышение по должности, его направили работать в обком партии, а на его место заступил второй секретарь горкома Губанов. Так была осуществлена преемственность. Несмотря на все эти жизненные пережитки, хочется сказать словами Грибоедова: «А дым Отечества нам все же сладок и приятен...».

Однажды в нашей школе проходило открытое партийное собрание с повесткой дня «О школьной реформе», на котором присутствовал секретарь горкома партии Губанов.

В прениях я выступил и сказал, что за четыре года реформы в школе практически ничего не изменилось, и если так и дальше пойдет, то все останется на словах и на бумаге. На мое выступление Губанов заявил, что этот человек политически не подкован и надо подумать, на своем ли он месте. Я ответил:

— Не Вы меня ставили, не Вам меня и снимать. А партия это не работа языком, а делом. На этом наш диалог и закончился.

И вот 80-е-90-е годы после двух школьных реформ наша школа перешла на производственное обучение. Был построен автокласс, получили два грузовика. Построили школьные мастерские по переработке металла, древесины и шитью. Руководителями соответственно были: Носков И. П., Денисевич В. Н., Северинова Н. Н. Базовыми предприятиями были: автохозяйство, кожзавод с его цехами (отдел кож № 1, отделка № 2, механический цех) и швейная фабрика. Общее руководство обучением осуществлялось завучем школы по производственному обучению Карповой Л. П. Теоретические занятия проводились в автоклассе и красных уголках цехов производства.

Практическая часть осуществлялась после инструктажа учащихся и под их роспись с опытными водителями автотранспортного предприятия по междугородним перевозкам грузов народного хозяйства и в цехах кожевенного завода у машин и станков под руководством ответственных лиц.

Работа ребятам нравилась. У них не было прогулов.

После окончания школы учащиеся вместе с аттестатом зрелости получали производственное удостоверение о полученной профессии и денежное вознаграждение.

Многие из них остались на производстве и выросли до руководящих работников. В то время школа готовила хорошие производственные кадры для народного хозяйства страны.

Хотелось бы сказать о кожзаводе. Это достаточно крупное градостроительное производство. На нем работало около 5-ти тысяч человек. Оно задавало ритм жизни всему городу. Его басо-баритонный шум машин и станков можно было слышать далеко за пределами города, а запахи его продукции, пропитанные сложными эфирами ароматических веществ, насыщали

городской воздух и напоминали о нем, как о живом организме.

Он красив. Но особенно был красив с водной стороны Селигера ночью. Его сотни люминесцентных ламп отражались в зеркальной поверхности озера и удваивались в отражении. Это был сказочный дворец из сказок «1000 и одна ночь». Он был великолепен и могуч, известен не только в нашей стране, но и за рубежом.

Сейчас он печален. Хотелось бы, чтобы в ближайшие годы он приобрел свою мощь и известность.

Но вернемся в зал юбиляра. После моего выступления началось поздравление работников педагогического коллектива.

Чувствую и вижу, что ко мне подходит директор школы Вовк Е. В. Поздравляет нас с женой с праздником, дарит книгу, цветы, конфеты. А потом я слышу голос:

— Извините, но этот букет я лично сама подарю Борису Федоровичу.

Ко мне подходит высокая красивая женщина и, склонившись, вкладывает мне в руки, со словами: «Это я, Борис Федорович! Пашинская», букет роз и целует. Боже мой! Это директор средней школы № 2. Под ее руководством школа только что получила президентский грант и статус гимназии. Это та Пашинская, которая 15 лет назад пришла работать в нашу школу. В самое трудное время для нашей страны, когда все разваливалось, как будто по чьей-то злой воле, по специально намеченному плану. И она взялась за самую ответственную работу — стала завучем по внеклассной работе.

Я тогда думал, что если в каждой школе сохранится по одному хорошему литератору и историку, то молодое поколение будет спасено. Так оно и случилось. В школу стали приходиться такие люди, как Пашинская З. М.

Я тогда находился на пенсии и был не востребован, как тысячи таких же людей, как я. Денег, соответственно, не хватало, и мне пришлось работать в школе сторожем и сантехником, а жена работала уборщицей.

И вот однажды Зинаида Михайловна попросила меня выступить перед учащимися и рассказать о войне. Я дал согласие.

Вот передо мной сотни детских любопытных глаз. Все смотрят на меня и желают увидеть и услышать что-нибудь захватывающее. Так как я когда-то работал актером в городском драматическом театре в клубе «Спартак» и в клубе кожевенного завода, то используя свой опыт и мастерство, мне надо было овладеть аудиторией. А это будет тогда, когда в зале наступит тишина и можно будет слышать, как по залу летит муха.

Я начал рассказ из времен 1942 года. Зал затих. Я рассказал, как по своей неопытности, вместо спрятавшегося фрица зарубил топором корову. Как совершенно случайно утопил в колодце бабушку и, совершенно нелепо, чуть-чуть не загубил только что родившегося младенца. Когда я закончил свой рассказ, зал в оцепенении молчал. И вдруг один из учеников спросил:

— Борис Федорович! Это правда, что Вы нам сейчас рассказали?

— Это и то, и другое, — ответил я.

Зал ожил. А Зинаида Михайловна сказала:

— Борис Федорович! Вы талант! Вы народный рассказчик. Вам надо писать книги.

Я так и сделал. Я стал писать книги. И вот теперь, 15 лет спустя, я говорю Зинаиде Михайловне: «Спасибо». Я заканчиваю писать восьмую книгу, пять из которых мы с женой подарили в школьный музей, шесть книг находятся в библиотеке Президента РФ В. В. Путина (Ельцина). Мы гордимся этим. Это не только наша гордость, но и честь. Это уникальный случай в истории нашего города, когда все собрание сочинений находится в библиотеке Президента РФ. Хочу поблагодарить всех людей, которые помогли мне писать книги. Особую благодарность выношу журналисту местной газеты «Селигер» Крылову Ю. М.

И тут словно лавина нахлынула на меня. Не успела удалиться Зинаида Михайловна, как чувствую, что стоит передо мной человек среднего роста, сложив руки перед собой, и внимательно рассматривает меня. Я слышу, как жена говорит ему:

— Вы, видимо, ученик Бориса Федоровича? Так скажите ему что-нибудь. Только он плохо видит и плохо слышит. Он наклонился ко мне прямо к самому уху и говорит:

— Борис Федорович! Это я, Тофик Калантаров.

Господи! Тофик, мой дорогой Тофик! Боже ты мой! Это мой самый лучший солист ансамбля, который впервые прозвучал у нас в городе, и не только в городе, но и в области. Это лучший гитарист: соло-гитара, ритм-гитара. Как я часто вспоминал тебя! Когда в последние годы ходил в стоматологический кабинет, поднимался по лестнице, по которой ходил ты, ведь ты там жил. Вспоминал твоих родителей и сестренку, и тебя, как ты впервые пришел в наш ансамбль. Но маститые музыканты (Павел Антонович) тебя оттесняли, а ты не сдавался, брался за все, пробивался вперед и победил. Как ты выступал со своей коронной песней «Темная ночь», которую исполнял только в своей интерпретации, не похожей ни на кого. Ведь только эта песня занимала на всех конкурсах первое место.

Так как я плохо слышал, то моя жена Катя сказала:

— Говорите громче, чтобы я слышала.

Я стал ей говорить, что это тот Тофик, который учился в Калининской медицинской академии, потом работал в Москве, а теперь он профессор, преподаватель этой академии, доктор медицинских наук и онкологии, ведущий хирург. Жена и сказала:

— Вот Вы-то нам и нужны, и попросила его, чтобы он посодействовал в приведении моих глаз в порядок, потому что нужна хирургическая операция по замене хрусталиков в моих глазах. Он дал согласие и свою визитную карточку. Жена его тоже работает в Тверской медицинской академии. Она очень сожалела, что не смогла приехать на этот часок юбилейного вечера.

Через несколько минут Тофик Кималович Калантаров уехал, извинившись, что больше не располагает временем, так как его ждут студенты, которым он должен читать лекции. Вот так-то я повидался со своим любимым гитаристом и вокалистом школьного ВИА.

Тофик уехал и тут я вспомнил о своих учителях. Ведь я тоже был когда-то учеником. Моей первой учительницей была Иванова Ольга Яковлевна. Она жила на Музейном переулке, дом 3. За хорошую учебу и примерное поведение она всегда мне ставила оценку «очень хорошо». Я любил рисовать в тетради церкви и думал, что она меня за это похвалит. А она мне написала: «Не рисуй церквей!».

За что я на нее очень обиделся и помню до сих пор.

В старших классах моими учителями были Нолле Е. Ю. — учительница русского языка и литературы. Веселая, вечно улыбающаяся, с приятным прищуром глаз, с высоким звонким голосом, прекрасно знавшая советскую литературу и классику, но совершенно не умела читать Маяковского. Я его читал со сцены, так как был актером в городском драматическом театре. И она меня всегда приглашала на выручку.

Некрасова Александра Николаевна — учительница математики. Видная женщина, напоминающая оперную певицу. Она прекрасно знала свой предмет. Урок вела спокойно, вполголоса, удивительно красиво держала мелок в руке. Ребята ее любили и уважали и хорошо знали ее предмет. Она жила на улице Урицкого, около Житного. А Елена Юрьевна Нолле жила на Володарского, в доме Лояновых.

Семенов Николай Иванович — учитель физкультуры и военного дела. Я к нему на урок не ходил, так как был освобожден, как фронтовик. А во время его похорон был председателем похоронной комиссии. Жил он на Тимофеевской улице, рядом с пожарной каланчой.

Пухтина Наталья Ивановна — мой классный руководитель и географ. На классных часах я у нее был желанным учеником, так как в армии был комсомольским секретарем 96-ого отдельного артиллерийского дивизиона, хорошо знал политическую работу и во многих вопросах Наталья Ивановна обращалась ко мне.

Пикалев Яков Михайлович — учитель черчения и рисования. Этот человек в моей судьбе сыграл исключительную роль. Однажды, когда мы рисовали натюрморт, он подошел ко мне, положил руку на плечо и сказал:

— Ты бог!

Эти слова так подействовали на меня, что я действительно стал художником. Я написал более двухсот картин больших и маленьких. Два больших полотна находятся в музее — «Город Осташков в 18 веке» и «Первая борозда». А картина «Элегия» в художественной городской галерее.

Мишанов Василий Дмитриевич — физик. Он хорошо знал свой предмет, но был человек буквы закона «от» и «до». От учебника — никуда. У него была визуальная привязанность к противоположному полу. За что получил кличку у женщин Вася-кот. За прекрасную шевелюру рыже-каштановых волос с золотистым отливом его прозвали «рыжий». Самой большой его заслугой было то, что он впервые создал кабинет и стал в нем преподавать физику.

За время моей 27-летней работы в школе, я тоже имел несколько кличек. Но прижилась только одна («Борис Федорович» сокращенно БФ или Барфед). Даже теперь садоводы-любители, которые когда-то приобрели у меня саженцы яблонь, при встрече со мной называют их «Барфедками».

К нам в школу пришли из института две молоденькие учительницы: Рясенская Л. П., учительница немецкого языка и Бычинская В. И., учительница истории. Отвечать они вызывали меня всегда с места, так как я был фронтовик и в военной форме. Они очень стеснялись меня и всегда краснели, чувствуя себя неудобно, потому что были почти одноклассники. Вечерних школ тогда не было, и я днем занимался в школе, а вечером работал в театре. Иногда я с ними и танцевал в театре.

Клюканов Николай Васильевич — химик. Мы недолюбливали друг друга, так как были фронтовиками. Во всем чувствовалось соперничество. На его знаменитых «летучках» он старался меня ущемить, поймать на незнании материала. Иногда это ему удавалось. Но я благодарен Николаю Васильевичу, потому что он заставил меня выучить этот труднейший предмет. При поступлении в институт я без труда сдал его; закончил институт и 27 лет преподавал химию и биологию в средней школе № 1.

Лихоманова Мария Васильевна — учитель биологии. Высокая, мужловатая женщина. Я ее не любил за то, что она много курила. В то время это было неприлично для женщины, тем более для учителя.

Мария Васильевна имела большие заслуги. Она создала в школе хороший ботанический кабинет, разбила на пришкольном участке большой яблоневый сад, вырастила хорошую школу привитых саженцев. Сама любила прививать и детей приучала к этому занятию. Впоследствии все это было передано Малиновской А. Н.

После болезни Клюканова Н. В. химию стала преподавать Морачевская Евгения Ивановна. Ее заслуга в том, что она создала химический кабинет. Особенностью ее преподавания является то, что ее выпускники поступали в горные институты и многие из них стали геологами. Они присылали очень много посылок с минералами для школы.

Душой школы была завхоз школы Смирнова Мария Васильевна. Она жила на территории школы. Рабочий день у нее начинался с 8 часов утра с обхода школы. Вместе с директором школы Иваном Дмитриевичем Бабуриным они осматривали состояние классов, чтобы около каждой доски лежала сырая тряпка и мел. Иван Дмитриевич Бабурин это человек старой закалки, прекрасный педагог, всегда ходил в толстовке, галифе и сапогах. Все его побаивались и уважали. Когда он проходил по школе, дети останавливались, приветствовали его и пропускали.

Он никогда прилюдно не делал человеку замечание, а все вопросы решал в кабинете спокойным и ровным голосом. Иногда можно было видеть, как из его кабинета выходили дети в слезах со словами:

— Он так спокойно и тихо с нами разговаривал, что мы даже расплакались.

А видели бы вы, как на прощальном вечере в 1949 году, когда я Ивану Дмитриевичу преподносил в подарок написанную мною маслом картину «Утро на Селигере», как нам хлопал весь зал и бисировал. Иван Дмитриевич сказал, что я единственный человек в городе, который учился в школе и одновременно работал.

После смерти весь город хоронил его под звуки оркестра.

Иван Дмитриевич был похоронен на старом кладбище к северу от братских могил. Пока была жива его жена Александра Николаевна, могила была ухожена, а теперь в запустении. Невольно вспоминаешь слова Пушкина, обращенные к нам: «Они любить умеют только мертвых». Но оказывается и мертвых мы любить разучились. О чем и говорят могильные камни.

Однажды меня повстречала Наумова Галина. Она спросила:

— Борис Федорович! Вы так хорошо знаете нашу школу и Ивана Дмитриевича. А почему же Вы никогда об этом не напишите?

Сообщаю, Галя, вот я об этом и написал.

В 1981 году директором школы стала Вовк Е. В. В ее судьбе главную роль сыграли только два человека: Карпова Лидия Петровна, моя жена, и Богданов Валентин Георгиевич, директор школы. Моя жена сохранила ее семью, а Валентин Георгиевич сделал ее своим преемником. Он ее готовил целый год. И тогда, когда он заболел, безболезненно передал школу в ее руки. С тех пор она и является директором средней школы № 1. Человек она волевой, школой управляет успешно, хотя трудностей с каждым годом становится все больше и больше, потому что школа расширяется, и управлять таким огромным коллективом становится труднее.

После окончания торжественной части мы все спустились вниз, на первый этаж в столовую. Проходя по коридору, мой брат Эдик рассказал, какими хорошими работами, графикой и акварелью, оформлены стены коридора, ведущего в столовую. Мне было очень приятно это слышать. Если люди умеют хорошо рисовать, значит они могут и хорошо жить. Ведь хорошую жизнь может создать человек, который видит вокруг себя красоту. Эта истина неопровержима. Это заслуга учителя рисования и черчения Бондарек М. И.

И вот она столовая, где можно расслабиться и успокоиться. После первого тоста развязались языки и начался шумный пир. Затем заиграла музыка, моя жена Катя заказала наш любимый танец — танго. С этим танцем я впервые познакомился осенью 1945 года в Самарканде, где находился на излечении в госпитале. Это танец мужественных и сильных людей — моряков, у которых вся жизнь сплошной экстрим. Несколько вечеров в госпитальском клубе я не танцевал и стоял и изучал этот танец. Я был на костылях, но танцевать мне хотелось. И вот когда я впервые увидел девушку, которая мне очень понравилась, я решил научиться танцевать танго.

И вот наступил день, когда я, оставив костыли, пригласил ее танцевать. С этого дня я ходил каждый день в клуб и танцевал с ней, танцевал от первого до последнего танца. Она меня научила танцевать и другие танцы: фокстрот и вальс. Но любимым танцем всегда было танго. Я его всегда танцевал на приз и с первой женой Лидией Петровной, и 15 лет, будучи в санаториях, мы с Катей, второй женой, танцевали также танго на приз. И очень часто занимали призовые места. Этот танец приносил нам неописуемую радость. Дома мы часто вспоминали об этих днях и были очень довольны.

И вот теперь на юбилейном вечере Катя заказала нам танец — танго для двоих. Было радостно и тревожно, ведь танцующий всегда перед своими глазами ищет точку опоры, у которой он и делает повороты. А я человек совершенно слепой. У меня единственной точкой опоры была жена и ее руки и дыхание, ее биение сердца. Она также волновалась и переживала за меня. Для меня кругом сплошная ночь и никакого опыта. Но все обошлось хорошо. Катя меня водила прекрасно. Я чувствовал каждый ее мускул и подчинялся каждой его вибрации. Танец мы закончили благополучно, под общие аплодисменты присутствующих.

За короткое время танца перед моими глазами пронеслась вся история школьных вечеров. Сначала мы танцевали под патефон, потом появилась радиолка, был баян и аккордеон. Баянистами были Андреев из клуба «Спартак» и Красильников из механического техникума. Потом к нам в школу пришел Рыгалин Алексей Иванович. Совершенствовалась техника, появился магнитофон, усилители, выносные колонки, и вечера приобрели совершенно

другое дыхание.

Пик вечеров наступил после того, как в школе появился вокально-инструментальный ансамбль. В зрительном зале и на сцене была только «живая музыка». Желающих присутствовать на школьных вечерах было так много, что даже учащихся девятого класса туда не пускали.

Дежурными на вечерах были только мужчины. Их было в школе достаточно. Лишь немногим счастливицам удавалось присутствовать на этих вечерах. Вечера были учебные, тематические, посвященные красным дням календаря и юбилейные. Были вечера и с застольями и даже с применением спиртных напитков. Такие вечера всегда проводились в присутствии членов родительского комитета.

Но однажды произошел неприятный инцидент. Из-за неразделенной любви ученик 9 класса резал себе в туалетной комнате вены.

После этого случая все застольные вечера стали проводиться без алкоголя, только с чаепитием.

К вечерам готовились тщательно, целыми коллективами. В нижнем холле вывешивали большие сатирические плакаты. Около плакатов толпилось большое количество народа. Смеялись, обсуждали, не обходилось и без слез, но все заканчивалось благополучно.

Плакаты готовились группой художников, которыми вначале руководил я, а потом все дело было передано Кононыхину П. И. Вечера в тот период проводились каждую субботу (1972 год). К нам приходили учащиеся транспортной школы, средней школы № 2 и студенты техникумов. Особенно частыми гостями были студенты механического техникума. Они лезли по водосточным трубам на второй этаж, какими-то путями открывали окна и пробирались в школу. Таких «зайцев» приходилось выводить за руку.

Были и неприятные явления. Всеми возможными способами в школу проникали спиртные напитки, распивались в туалетной комнате, а посуду прятали в сливных бачках.

Приходили в школу и подвыпившие. Их дальнейший путь был — обратно домой.

Однажды пришел сынок второго секретаря горкома партии подвыпивший. Его в актовом зале развезло и пришлось его отправить домой. Но он не пошел домой дорогой, которой ходят люди, а полез через школьную металлическую ограду. Зацепился за острие решетки, повис, порвал паховую вену, и путь домой оказался через больницу.

Был и такой случай. Ребята за школьной поленницей заспорили, и один из учащихся выпил прямо из горла бутылку водки. В результате чего был доставлен домой через «Скорую помощь».

Однажды пришла на вечер девушка, дочь известного в городе врача. Она стала себя непристойно вести и ее пришлось в сопровождении отправить домой.

Любили дети вечера, которые проводились совместно с учителями. Антонова Вера Петровна на этих вечерах всегда пропагандировала музыкальные произведения норвежского маэстро Грига.

Лидия Александровна Красильникова старалась пропагандировать художественное слово Пушкина и Грибоедова.

Лидия Петровна и Борис Федорович Карповы выступали на этих вечерах со своим коронным номером — мелодрамой «Площадь Маяковского, третий пролет справа».

Елена Владимировна Вовк и Людмила Васильевна Никифорова выступали дуэтом, а иногда и трио с Зарайским Александром. Особенно им удавались «Осенние листья».

Учитель музыки Рыгалин Александр Иванович исполнял на баяне «Полонез» Огинского, «Вальс» Грибоедова, «Марш Победы» и авторскую песню «Поздняя осень».

Однажды на школьном вечере Л. А. Красильникова подходит ко мне и говорит:

— Борис Федорович! Ваша солистка Валя пьяная.

Я ее убеждал, что нет. Для того, чтобы удостовериться, мы отозвали Валю в учительскую. Из беседы с ней узнали, что Валя для храбрости приняла допинг. Это была в школе первая ласточка, которая принесла нам известие, что дети принимают физотропные препараты. Для проведения вечеров интерьер актового зала иногда перестраивался, что создавало

хорошее впечатление и располагало к отдыху на этих вечерах.

Лучшими вечерами были: вечер, посвященный Пушкину и Грибоедову, которым руководила Л. А. Красильникова; вечер, посвященный Ю. Гагарину, руководитель – учитель физики В. А. Бурин; вечер, посвященный туристической поездке учащихся 9-х классов на южный берег Крыма, руководитель Кононыхин П. И.; вечер, посвященный алхимии, с эффектными и красочными опытами, с пиротехникой, балетными танцами молекул. Этот вечер впоследствии был восстановлен и просматривался в ДК на смотре художественной самодеятельности, где занял первое место в городе и районе. Председателем жюри был зав. РОНО Клюканов Н. В., а вечером химии руководил учитель химии Карпов Б. Ф.

Школа часто принимала участие в районных, областных и всесоюзных соревнованиях по спорту, художественной самодеятельности и учебных олимпиадах. И занимала ведущие позиции, что создавало ей авторитет. В этом заслуга ее воспитанников, которые являлись ее золотым фондом. Это Косов Владимир Иванович, академик и профессор, Кузьмина Ольга Борисовна — главный финансист Брянской области, Карпов Михаил Борисович — учитель физики ПТУ-30, Батанова Надежда Николаевна, учитель средней школы № 1, Меньшикова Валентина Александровна, управляющая пенсионным фондом, Иванова Ирина Владимировна, заведующая РОНО, Вишнякова Татьяна Аскольдовна, директор школы № 3, Федоров Роман Анатольевич, учитель химии г. Новгорода, Веселов Виктор Геннадьевич, терапевт нашего города, Легкова Наталья Михайловна — архивариус, Размахов Александр и многие другие.

Мы гордимся этими учениками. Они ум, честь и совесть нашего времени. Это позитив нашей работы. От того, как они работают, зависит и наша жизнь.

После окончания школы наши учащиеся заканчивали вечера на воде. Для чего наш шеф — кожзавод закупал на водной пристани теплоход и выпускники под звуки музыки, с танцами, радостью и весельем провожали заходящее солнце, любовались красотой белых ночей и встречали новый день и новую жизнь.

На этом беговая дорожка школьных вечеров в моем сознании остановилась и мгновенно возник вопрос: «А что, этот день 27 сентября 2007 года — день нашего танца «Танго для двоих» — последний?».

Думаю, что нет.

Авторский материал обрабатывала моя ученица-выпускница 1968 года Кононова Тамара, ныне преподаватель средней школы № 1 Потапова Тамара Николаевна.

Автор сердечно благодарит депутата Осташковского района Петрова Владимира Георгиевича, Антоновича Павла Валентиновича, помощника депутата Государственной Думы Грешневику А. Н. на общественной основе за оказанную помощь в издании данной книги.

8 ноября 2007 года.

г. Осташков.

Автор Б. Ф. Карпов.

Мысли

— Борис Федорович, почему Вы и Лидия Петровна так долго проработали в школе и не имеете почетного звания — Отличник народного образования?

Отвечаю. Я трижды выдвигался на присвоение мне этого звания. Но в самый ответственный момент, когда надо было его получать, за мой правдивый и острый язык документы отодвигались в сторонку, и все оставалось на прежнем месте. Такое положение было и с Лидией Петровной.

Вот и теперь я хорошо знаю, что мои книги читаются, читаются с интересом, «взахлеб», со слезами. Но есть и недоброжелатели, завистники, которые стоят в сторонке и потихоньку

шипят, обкладывая меня вокруг подушками. Но я на них не сержусь. Это жизнь. А жизнь — штука хорошая. Но ее можно превратить в такую дрянь, от которой потом и не отмоешься. — Борис Федорович! Вы пишете о нашем родном, близком и знакомом. Вы живой кладезь. Спасибо Вам за это, дай Вам Бог здоровья.

Хотелось бы сказать и о перестройке. Она не прошла мимо нашей школы, коснулась и ее. Больно было смотреть, как разрушался кабинет по военной подготовке. Как на Евстафьевской улице разворывались станки и оборудование школьных мастерских. Как в топках школьной котельной сжигался школьный музей, библиотечный фонд политической литературы и ее классиков, история нашей школы и нашей жизни. И все это совершалось на глазах тех, кто должен был оберегать.

Замечательна наша страна, она была страной всеобщего бесплатного образования. А теперь: хочешь учись, хочешь не учись, никому до тебя нет дела, поэтому одни учатся в Лондоне и Нью-Йорке, другие на Родине, а третьи — нигде. Основной их учитель — бандитизм, разврат и автомат Калашникова. Это ужасно. Как же нам жить, господа?